

соразмерно их природе, озаряет светом. Третьи, напротив, помещают начало интеллектуального познания в самой душе, но говорят при этом, что Аристотель приписывает каждой душе два интеллекта — один потенциальный, другой действующий, и считает, что первый всегда присутствует в каждой душе, тогда как второй вводится порциями извне и всякий раз просвещает потенциальный интеллект. Филопон отмечает, что сторонники этого взгляда обращаются за поддержкой к Платону, однако без достаточных оснований. Наконец, четвертая интерпретация, данная Аристотелем, является истинной: каждый человек обладает своим собственным интеллектом, и этот интеллект пребывает либо в потенции, либо в действии. Но корректна ли такая интерпретация Аристотеля? В этом можно усомниться, однако всегда были и есть великолепные толкователи, которые ее придерживаются. Во всяком случае, она единственная, которую может принять христианский последователь Аристотеля, поскольку, как заметил сам Филопон, только она позволяет утверждать бессмертие по крайней мере разумной души: «Evidenter utique ex hiis solam rationalem animam immortalem novit Aristoteles, omnes autem alias partes animae mortales»*. Христи-

анин Филопон отмежевывается здесь от Александра Афродисийского, как христиане XIII века отмежевывались от Аверроэса, и явно по тем же причинам. В кинетике он обнаруживает ту же свободу духа. В своем комментарии к «Физике» (517) он полемизирует с учением Аристотеля, согласно которому удар, сообщенный воздуху тем, кто бросает снаряд, поддерживается затем движением этого снаряда**. Филопон отвергает это объяснение и утверждает, что бросающий снаряд сообщает ему некоторую движущую силу (*kinetike dynamis*), которая продолжает его двигать. В этом уже проявляется учение об *impetus****, которое будут противопоставлять учению Аристотеля многие средневековые авторы.

Последнее великое имя из представителей греческой патристики, известное в средние века, — это Иоанн из Дамаска, именуемый Иоанном Дамаскином (ум. в 749)****. Его главное произведение — «Источник знания» («*Pege gnoseos*») — содержит философское введение, краткую историю ересей и собрание текстов о фундаментальных истинах христианской религии, текстов, заимствованных у его предшественников и расположенных в систематическом порядке. Эта последняя часть, переведенная в 1151 г. Бургундио из Пизы (переводчиком Немесия), послужит примером для «Сентенций» Петра Ломбардского. «Источник знания» будут часто цитировать в XIII столетии под заглавием «О православной вере» («*De fide orthodoxa*»).

Иоанн Дамаскин не претендовал на оригинальное философское творчество, но он составил добротное собрание полезных теологу философских понятий, и некоторые формулы, пущенные им в обращение, имели необычайный успех. В самом начале трактата «О православной вере» он утверждает, что нет человека, в котором не было бы естественным образом укоренено знание о том, что Бог существует. Эту формулу многократно цитировали в средние века, порой с одобрением, порой ради критики. Впрочем, представляется, что и сам Иоанн Дамаскин говорит здесь не о врожденном знании в полном

Глава I. Греческие отцы и философы

смысле слова, ибо в качестве его источников он называет наблюдение за сотворенными вещами, за их сохранением и соблюдаемым ими порядком; затем — Закон и Пророков и, наконец, — Откровение Иисуса Христа. Более того, в главе III он предпринимает попытку